

Отзыв на книгу "50 лет Лаборатории"

А.И. Алешин

Дорогой Юрий Александрович, вот и я, прочитав книгу, и полный самых разных чувств и мыслей, приступаю к своему посланию. Прежде всего, хочу сказать, что она удалась и прекрасно передает очень многое из атмосферы дней минувших. Многое из того, что и мне близко, не только памятным умом, но и чувством, телесно. Конечно, мне не посчастливилось жить и работать в таком редкостном коллективе (стечение многих обстоятельств, в числе коих и Н.К.), поэтому я сознаю, что «близость», которую я помянул, не столь полна. Тем не менее...

Действительно, конец 50-х и 60-е годы ознаменовались удивительным подъемом бескорыстной и страстной любви к науке. Это нашло свое выражение и в искусстве (в литературе, в кино, в первую очередь). Даже ранее написанные книги («Охотники за микробами», «Эроусмит» Льюиса и др.) стали по-особенному популярны. Кажется, именно в нашем отечестве это переживание «святости» научного труда достигло своего рода максимума. Позже оно ощутимо стало спадать, изменилась и общая атмосфера, а также и мотивация «вхождения» в науку. Впрочем, идеализм и романтизм того времени заключали в себе помимо благоприятного действия на развитие науки и массу иллюзий, которые, подвергаясь неизбежному развенчанию, склоняли к разнообразным формам «дешевого», цинического отношения к жизни. Трезвое понимание ее проблем всегда требовало и требует от человека значительных нравственных и интеллектуальных усилий, что только и позволяет избежать дрейфа под наплывом эмоций, простого движения от одной крайности к другой (бедствие, которое с завидным постоянством сопровождает нашу жизнь).

Что тронуло меня чуть ли не до слёз - это «Грустная услада воспоминаний» В.Н. Чернецкого и их последний абзац, об Учителе. Здесь удивительная точность в передаче личного переживания, не лишённого трагического оттенка.

Конечно, при чтении книги невозможно избавиться от ощущения, что многое остается за кадром и обозначено лишь намеком. Но на догадках не хотелось бы что-то строить и утверждать. Не удержусь лишь от близкого к сфере догадок впечатления, на которое меня подтолкнули воспоминания С. Кара-Мурзы. В них он замечает, что согласно его понятиям о советском проекте «Н.К. принадлежал к важной категории его творцов и носителей. Сейчас после краха советского строя, о причинах которого еще предстоит задуматься, в его образе я вижу черты, предопределившие наш кризис. Слишком высокая интенсивность порыва, за которой не поспевают тылы. Нехватка мещанского здравого смысла, без которого не удастся устроить гомеостатическую систему. Возникает скрытая напряженность, ведущая к расколу». Мне сразу вспомнилась повесть А. Бека «Новое назначение», написанная в первой половине 60-х, но не увидевшая тогда свет, несмотря на мощную поддержку многих литературных мэтров. Она была

опубликована в конце 80-х, и, кажется, в журнале «Наука и жизнь» Г. Попов очертил то, что было им обозначено как «административно-командная система». Открытие, вообще говоря, было запоздалым, так как под иными именами «проект» подобной системы был хорошо исследован некоторыми экономистами и социологами на Западе (да и в России) еще в 20-е годы. Но повесть А. Бека великолепна, особенно в части описания ее главного героя – министра черной металлургии, подвижника, жившего только своей работой, знавшего по имени и отчеству каждого горнового на вверенных ему заводах и, более того, даже прекрасно осведомленного об их домашних проблемах. Прямое сближение Н.К. с героем повести А. Бека определено лишено корректности, хотя в суждении С. Кара-Мурзы действительно подмечено то, что позволило «советскому проекту» продержаться благодаря «человеческому фактору» более полувека. Обидно, что трезвое, рациональное его понимание и критика, когда он только начинался, были либо плохо известны, либо не воспринимались. Тому, конечно, есть причины. (В философии приверженность к подобному пониманию исторической деятельности именуется идеологией конструктивного рационализма, иными словами, безотчетной верой в то, что сознанием покрывается или может и должен покрываться весь объем человеческих деяний, что является своего рода светским вариантом религиозной веры в Бога-творца). Еще более обидно, что трезвое понимание истекшего опыта никак не дается и ныне, даже, если можно так выразиться, «интеллигентской массе», в том числе и людям науки. Все это залог того, что ходить нам и ходить еще по «библейской пустыне».

Я, прошу прощения, – о больном (для меня). Это реакция на те из воспоминаний, в которых, на мой взгляд, безосновательно «советский опыт» представлен чуть ли не образцом. Мне абсолютно понятно возмущение ученого люда, оказавшегося в тяжелейшей ситуации 90-х. Однако это и было своего рода расплатой за те представления о должном способе жизни и деятельности, которыми и поддерживал (помимо прямого насилия) свое существование «советский проект». К сожалению, наша духовная атмосфера и история первых десятилетий XX века не воспрепятствовала соблазну принять этот проект. У других было иначе. Предисловие к одному из многочисленных переизданий книги австрийского экономиста и социального мыслителя фон Мизеса, написанное другим экономистом, Ф. Хайеком, открывалось следующими словами:

«Социализм» впервые появившись в 1922 г., произвел сильное впечатление. Эта книга постепенно изменила существо взглядов многих молодых идеалистов, которые вернулись к своим университетским занятиям после первой мировой войны. Я знаю это, потому что был один из них.

Мы чувствовали, что цивилизация, в которой мы выросли, рухнула. Мы были нацелены на строительство лучшего мира, и именно это желание пересоздать общество привело многих из нас к изучению экономической теории. Социализм

обещал желаемое – более рациональный, более справедливый мир. А потом появилась эта книга. Она нас обескуражила. Эта книга сообщила нам, что мы не там искали лучшее будущее».

Это я привожу в оправдание подчас того тяжелого чувства, свидетельствующего о том, как трудно извлекаются уроки прошлого. Именно это и позволило одному нашему замечательному публицисту лаконично выразить то, что произошло в начале 90-х: «Мы потерпели победу». За это мы и сейчас продолжаем расплачиваться.

То, что я отправляю Вам сегодня, – очень малая часть того, о чем хотелось написать. Но я вернусь к книге, так как она многое во мне возбудила. Скажу еще раз – книга по-настоящему примечательна, и в этом большая заслуга её редактора. Надеюсь на продолжение наших контактов (хотя бы в электронном виде). Всего Вам самого хорошего. Альберт Иванович.